Италия
Милан
Пикколо Театро ди Милано

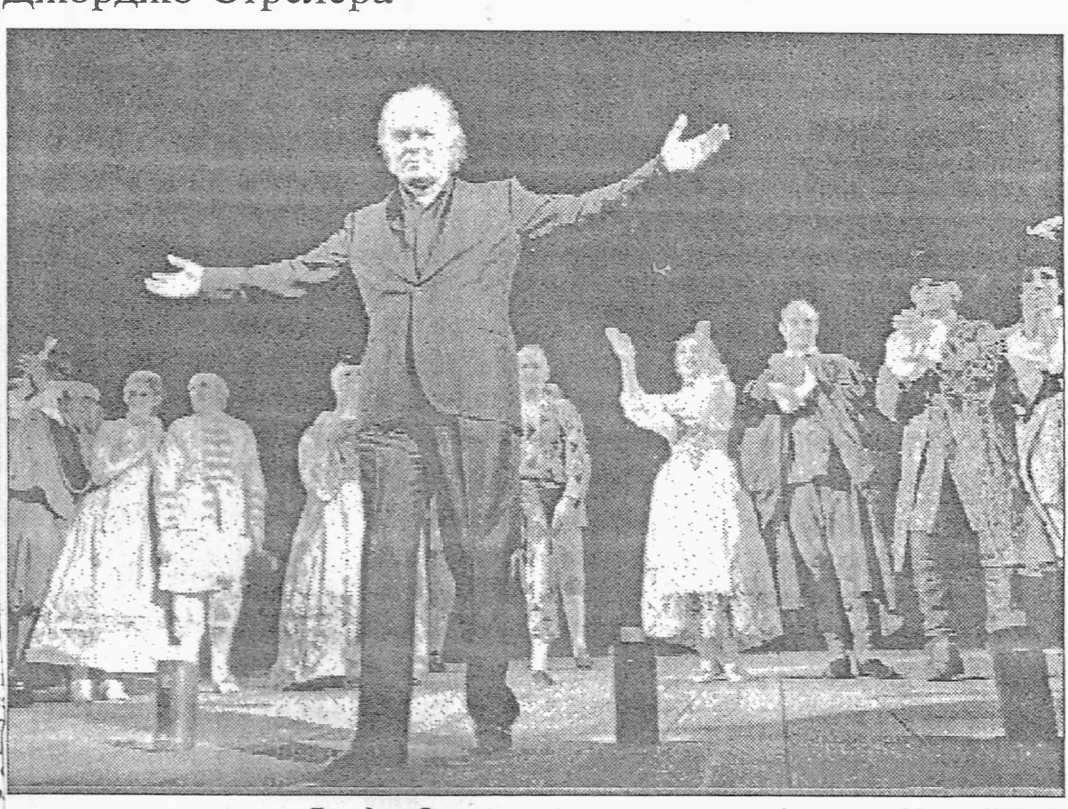
Григорий Заславский

Всемирная театральная олимпиада

СТАРЫЙ АРЛЕКИН ПРИЕХАЛ В МОСКВУ

Независимая газ. 2001 - 24 апр. - с. 7

Сегодня в Малом театре начинается почти недельный прощальный тур великого спектакля Джорджо Стрелера



Джорджо Стрелер прощается со зрителями «Арлекина...» Милан. 1997 год.
Фото Луиджи Чиминаджи

МНОГО простых и куда более затейливых аналогий можно найти в том, что Всемирная театральная олимпиада (в ином исчислении — IV Международный театральный фестиваль имени Чехова) открывается сегодня в Малом театре спектаклем Пикколо Театро ди Милано «Арлекино, или Слуга двух господ». Пикколо в переводе на русский — тот же Малый, а если взять то самое, легендарное здание стрелеровского театра, где почти полвека, с 47-го, обитал его театр, — так и вовсе крошечный, маленький миланский театр. Но для Италии Пикколо — такая же академия, как для нас Малый, хотя и родился Пикколо в середине прошлого века, сразу после войны. Жизнь «Арлекино...» после смерти создателя — такое же чудо, какими почитаются все подлинные чудеса (не хочется, дабы не обидеть верующих, называть что-то конкретное), как всякая жизнь после жизни: ибо в театре все располагает к стремительному разрушению, а не к сохранению и жизни без потерь. А история «Арлекино...» — во многом история и всего итальянского театра. То, что перед началом спектакля ожидается грандиозное уличное представление, — тоже символично, ведь в основе стрелеровского спектакля — великие традиции площадного театра масок.

* * *

В фойе Пикколо — вся история «Арлекино...». Первая постановка — в 1947 году, в год рождения Пикколо. Арлекино — Марчелло Моретти, учитель Солери. Бригелла — Франко Паренти, Сильвио — Нино Сестари... Следующая постановка — в 52-м. Бюст Моретти в фойе: актер приоткрывает свое лицо, сдвинув на лоб маску Арлекино (в этой «классической» позе потом будут фотографировать Солери). Сверху — из окон галереи — глядят куклы... 56-й: постановка Стрелера, сценография — Эццио Фриджерио, вместе они будут работать до конца жизни Стрелера.

Костюмы пришлось перешивать заново не один раз. «Домино», в котором выходил на сцену Моретти, — в фойе... Одна за другой фотографии Моретти и Феруччо Солери, оба в костюме Арлекино надевают и снимают с себя черную маску слуги. В спектакле 63-го года в роли Арлекино впервые выходит Феруччо Солери. 73, 77, 87, 90, 92-й годы и, наконец, последняя постановка «Арлекино...», приуроченная к 50-летию Пикколо театро ди Милано, — 97-го года. Солери — 67 лет!

Спектакль начинается выходом из зала старого служителя сцены. По-стариковски кряхтя, со свечой в руке, он взбирается по ступеням и не спеша зажигает свечи на авансцене. Садится на скамеечке сбоку и дирижирует поднятием занавеса: звучат трубы — занавес поднимается. Музыканты — справа, актеры — в центре. Из-под панамы и маски Арлекино видны седые волосы Солери. Кружится веселый хоровод, служитель громко возглашает: «Акто примо!» — и распахивает перед собою текст.

Толстый, седой, в колпаке, при интеллектуальной бородке и с огромной книгой под мышкой выходит Панталоне. За ним — заика-повар Бригелла (в привозимом в Москву «Острове рабов» этот актер играл Хозяина острова — он тоже из любимых стрелеровских актеров), который, заикаясь, все время грозит произнести что-то непристойное: «Ко-ко-ко...» — окружающие уже ждут, что он вот-вот снесет золотое яичко, но тут суфлер стучит палкой по сцене: заговорились, мол, забыли про сюжет.

Тем временем из зала выбегает на сцену Арлекино. И тут же наводит на всех страх своей оглушительной трещоткой, которой он отбивает ритм. И все с готовностью включаются в эту игру. Арлекино: стук! Все отвечают ему стуком. Он — они, он — они... Он берет и пропускает удар, и все попадаются на эту уловку — стучат невпопад. Он машет им рукой: ни-ни! — и делает первый кувырок (!). Потом этой трещотке находят практическое применение. Когда Панталоне поднимают с колен, он подставляет ее себе под колено, — сесть некуда, а стоять старику тяжело.

В «площадной» комедии дель арте все трудности материализованы. Панталоне говорит долго — до потери голоса. Осип и просит: «Воды!» Воду тут же приносят, чтобы промокнуть ему кончик бороды. А вот Арлекино запечатывает письмо. Надо поставить печать. Из хлебного мякиша, который предварительно следует разжевать. Арлекино подбрасывает кусочек, ловит ртом и — глотает. Непроизвольно. Бывает... Подбрасывает другой — та же история. Третий кусочек он привязывает веревкой и, заглотив, вытягивает обратно. Ставит наконец печать. Письмо готово. Довольный собой, он делает кувырок... Письма нет! (Он не видит — мы видим, что оно приклеилось к его заду!) Ужас! Куда оно подевалось?! Да сзади, сзади — указывают ему все. И зрители тоже. Арлекино оборачивается — там, конечно, никакого письма нет. Проходит немало времени, прежде чем он его находит...

В первый раз я смотрел спектакль в Милане, на фестивале, посвященном полувековому юбилею Пикколо театро. Мой сосед-миланец смотрит спектакль не впервые. В антракте говорит: да, Солери постарел — еще в прошлом году, заклеивая письмо, он не просто садился на него, но еще и подпрыгивал на нем.

* * *

Стрелер любил воду. Как всякий великий, он умел заворожить какой-нибудь ерундой. Вторая сцена — в лагуне. С лагуной у Стрелера просто: вылили воду в тазик и направили свет. Блики разбегаются по залу, и все замирают, зачарованные этим зрелищем.

* * *

Стареют не только актеры — спектакль устаревает. Не один раз в нем звучит имя Форментини — бывший мэр Милана был злейшим врагом Стрелера. А еще он был сепаратистом. В спектакле, который ставился в разгар их неравного поединка, самое страшное оскорбление, которое могут позволить себе герои — и какое Доктор придумывает для Панталоне, — Форментини!

* * *

Перед началом второго действия снова, как в первый раз, старый суфлер зажигает свечи. Одна тут же гаснет, и кто-то из зала, поддавшись магии средневекового действа, громко указывает на это. «Не загорелась? — оборачивается актер. — Спасибо!» Вот это поражает, пожалуй, не меньше остального. На «Арлекино...», в котором Стрелер использовал лацци двухсот- и, надо полагать, четырехсотлетней давности, публика хохочет, как двести и четыреста лет назад. И временами совершенно раскрепощается, позабыв, что она в театре.

А как не позабыть?!

Вот Доктор. У него живот ходит ходуном. Он плохо слышит и, наверное, жалуется на сердце. Суфлер подсказывает ему следующую реплику — он, не расслышав, произносит что-то не то. Суфлер поправляет, доктор снова несет околесицу. Тогда, не выдержав, суфлер выскакивает на игровую площадку, и начинается настоящая итальянская ругань — с жестикуляцией, опасной тем, что машут руками перед самым носом собеседника...

Когда Панталоне стреляет, дуло его пистолета опускается...

Знаменитое лацци с мухой: все мешают Арлекино, спугивая ее. (Напечаталось тут «музу», что было бы отчасти верно.) Ему мешают все. Я засмеялся неожиданно громко, и Арлекино, обернувшись в мою сторону, заметался: «Ты что? Смешно тебе? Ну давай же, иди, иди сюда, который смеялся, попробуй! Поймай!..» Наконец ловит! Отрывает крылышки и — съедает, а та принимается летать у него в животе! Приходится убить ее окончательно, бросаясь с разбега на пол!..

Арлекино сервирует стол, носясь по сцене колбасой. Туда-сюда, туда-сюда, что-то делит и съедает по пути. Все пробует. Желе, которое дрожит все сильнее и сильнее на блюде, но так и не срывается с подноса. Три блюда — в руке два и одно на спине — уносит. Прыгает с блюдом, делает кувырок. Переворачивается, встает и выносит его из «приключений» целым и невредимым. Как он летает! А как падает! А как он подбрасывает горячее с руки на руку — высоко-высоко! — не роняя ни разу! 67? 68? Невозможно поверить!

Вот он схватывает блин со сковороды, а Бригелла, приметив, успевает его огреть горячей сковородой. Прямо под зад! «У-у-у!» — кричит от боли Арлекино. Но тут же приходит к радостному итогу: руки целы, ноги — тоже, живот... Ура! Жизнь продолжается.

Вот он вытаскивает на сцену два старых плетеных сундука, вытряхивает весь скарб и принимается раскладывать вещи заново. Всего оказывается поровну, но остается один-единственный бордовый камзол, с которым Арлекино принимается носиться как с писаной торбой. То к одному сундуку, то к другому. В результате рвет пополам, складывает и тогда успокаивается...

Арлекино изображает трудолюбие: трет шапкой пыль с крышки сундука, патрон сияет и благодарит Арлекино, а Арлекино — безо всякой паузы — тут же садится на край сундука и принимается стирать свою шапочку, «обмакивая» в воображаемую воду, скрючившись на четвереньках на сундуке. Крышка не выдерживает, и Арлекино проваливается в сундук и там, не двигаясь и не подавая вида, переодевается в белую рубаху! Как это ему там удается — в темноте и духоте, — понять нельзя.

* * *

Хорошо иметь двух господ, рассуждал прежде Арлекино: и тут деньги, и там. Теперь оказывается, что два господина — это еще и тумаки в двойном размере. И, дойдя собственным умом до этой истины, до этой выгоды «наоборот», он с этим перевернутым смыслом «наперевес» на руках уходит со сцены.

Магия Стрелера! Гроза, молнии... Ветер — еще одна любовь Стрелера! — из одной кулисы в другую гонит листву (листва и газеты, которые гнал ветер в «Великой магии»!). Все уходят звать Арлекино, оставляя сцену пустой, остаются только свечи, которые продолжают гореть в своих канделябрах. Через паузу, дав насладиться этой красотой, старый суфлер выйдет и одну за другой их погасит. Серый сумеречный свет позволяет различать только графику силуэтов. Фигуры на сером фоне. ■

Милан–Москва